

КАК ЭТО БЫЛО

Р.П. Алдонова

Заслуженный архитектор Российской Федерации

Напечатано в журнале « Вести» Союза архитекторов России, № 2 за 2007 год

В этом году исполнилось 35 лет с тех пор, как в 1972 году Градостроительный совет ГлавАПУ согласовал, а Моссовет утвердил проект застройки Нагатинской набережной Москвы реки. Можно сказать юбилей. Многие москвичи знают эту застройку. Бело-синие дома переменной этажности от 10 до 23 этажей стоят на берегу реки и смотрят на широкую Нагатинскую пойму, жители прозвали их «парусами»

К тому времени, когда появился этот проект, весь район Нагатино уже был застроен пятиэтажками с отдельными вкраплениями девяти этажей. Только вдоль берега тянулась незастроенная полоса шириной, меньше ста метров, В мастерской № 11 (потом она стала № 10), эту полосу берегли и не спешили застраивать типовыми домами. Уж очень необычна, можно сказать уникальна, здесь градостроительная ситуация. Широкая двухкилометровая Нагатинская пойма со всех сторон окруженная водой, позволяет с противоположной стороны, с высокого берега окинуть единым взглядом все четыре километра набережной.

Было сделано бесчисленное количество вариантов, но все они сводились к чередованию шестнадцатипятиэтажных «стен» с какими-нибудь «башнями». Причем типовых компактных башен выше 16 этажей тогда вообще не было.

С 1970 года, когда я стала руководителем бригады и главным архитектором этого проекта, мы с молодым архитектором Костей. Запасовым при активной поддержке руководителя мастерской Павла Петровича Зиновьева предложили решить застройку набережной единым ансамблем из домов переменной этажности 10-25 этажей с акцентами из 35 этажных башен в центре и по концам застройки. Место требовало крупного ритма и интересного силуэта. Понижение крыльев зданий делало новые дома сомасштабными существующей застройке, воздушные разрывы активно включали пространство поймы в ткань жилого района, Предполагалось построить шесть домов-«пирамид» по три с каждой стороны от Нагатинского моста, который делит здесь набережную на две равные части.

Градостроительный совет вел Дмитрий Иванович Бурдин. Всесильного вершителя архитектурных судеб, главного архитектора Москвы Михаила Васильевича Посохина, почему-то не было. Бурдину проект понравился, и он его согласовал, Спасибо ему.

Тогда же проект был отмечен по Моспроекту 1, как лучший проект года, опубликован в журнале «Строительство и архитектура» и в других изданиях.

Надо сказать, что, конечно, никакой «Америки» мы не открыли. Ступенчатые силуэты домов у открытых водных пространств были хорошо известны, в частности, и по французским и по болгарским курортам. Но там ступень, как правило, служила террасой для одного гостиничного номера. Мы же предложили крупное, масштабное городу решение – ступень в одну жилую секцию. Некоторым это показалось странным. Нас спрашивали: «Как вы будете использовать крышу на этих ступенях?» Мы отвечали, что так же, как все остальные крыши в городе, почему ее надо обязательно присоединять к торцевой квартире? Журналистка, помню, все допытывались какую экономическую выгоду дает ступенчатость? Я отвечала, что выгоды она не дает, количество жилья в нашем ступенчатом девятисекционном доме ровно такое же, как если бы все секции имели 16 этажей. Ступенчатым он сделан исходя из градостроительных и эстетических соображений. Тогда это звучало, почти как крамола.

Каждый ступенчатый дом насчитывает более 750 квартир, плотность застройки участка была огромной. Два крыла дома, в 5 и в 4 секции, имеют разные перепады, на длинном по три этажа, а на коротком по 4 этажа, чтобы крыло спускалось энергичнее и не казалось произвольно обрезанным. Мы расположили крылья под тупым углом друг к другу и поставили дома так, чтобы при движении вдоль реки зритель, приближавшийся справа или

слева, видел дома, как вереницу «треугольников». Однако вскоре этот принцип был нарушен, проект показали М.В. Посохину, и он велел Зиновьеву развернуть дома, чтобы длинные крылья встали параллельно красной линии. В результате с той стороны, с которой зрители плывут по реке к центру города, дома смотрятся, как мало выразительные коротышки.

Но все это пустяки по сравнению с трудностями реализации проекта! Мы разработали проект первого корпуса от моста на базе панелей ДСК 3, однако Главмосстрой совершенно не горел желанием его воплощать. Сначала, правда, начальник ДСК 3 О.С. Ширяев опубликовал в центральной печати фото с макета нашего дома переменной этажности с горделивой подписью: «Вот какие дома может строить наш комбинат!» Но, построив первые три секции в 10, 13 и 16 этажей в 1976 году, продолжать дальше не собирался. Мы получили от него письмо, что ДСК согласен продолжить строительство секций выше 16 этажей при условии, что в проекте не будет ни одной нетиповой детали (!). А их не могло не быть в высотных секциях. Нетиповых деталей, помнится, было 18 штук. И стоял на пустой набережной ступенчатый огрызок дома, несколько лет стоял. Я получила возмущенное письмо какого-то москвича, что, мол, за безобразие, испортили дом, можно было надстроить! Пришлось вежливо описать, все, что задумано и поблагодарить за внимание к нашей работе.

Председателю Пролетарского исполкома Н.К. Новикову нравился наш проект, он нас поддерживал, но вздыхал; «Нет, я не доживу, не доживу, не увижу...» И действительно не дожил.

Мы разработали до последней детали ступенчатый дом и в панелях, и в изделиях каркаса, но тоже получили категорический отказ Главмосстроя.

По настоящему строительство развернулось только с 1980 года, когда по инициативе Ю.А. Дыховичного застройка была включена в план экспериментального строительства НПО «Прокатдеталь». Но здесь тоже не обошлось без драматических моментов. Нам с Зиновьевым на одном из совещаний было категорически заявлено, что рядовой секции выше 16 этажей не будет. Выше 16 будет только секция в виде угла, которую МНИИТЭП проектирует, чтобы делать из них башни для ОПЖР (тоже еще один многострадальный проект).

Мы с Зиновьевым вышли из комнаты, достали генплан нашего первого дома и быстро, быстро заменили на нем прямые секции 19 и 23 этажа на угловые. Дом получался угловатый, но силуэт в принципе сохранялся. И вернулись на заседание. Решение было согласовано!

К работе на субподряде был привлечен МНИИТЭП (Московский научно-исследовательский институт типового и экспериментального проектирования), где в мастерской № 3 архитекторы А.Б. Бергельсон и И.Л. Лютомская доводили для НПО «Прокатдеталь» проекты панельных домов. Появилась и рядовая секция выше 16 этажей, которую так отрицали раньше. В каждом доме были апробированы какие-либо экспериментальные новинки, например, в третьем доме не было обязательной тогда незадымляемой лестничной клетки, ее заменяли соответствующие технические решения.

Строительство, наконец, началось и НПО «Прокатдеталь» во главе с симпатичным и энергичным Ф. Я. Каменским довел до конца три комплекса переменной этажности на левой стороне от моста. Правда, культбыт – детсады, магазин, гараж, конечно, построены не были. Завершение застройки на восточном конце вместо трех 35-этажных стройных башен было выполнено из типовых, широких двухсекционных в 22 этажа. Но и в таком виде ансамбль произвел впечатление на москвичей.

Двадцать лет мне и, думаю, другим авторам тоже, говорили за него комплименты. Я сама радовалась, проезжая по Нагатинскому мосту на машине или на метро. Здесь проходит открытая линия метро и десятки, сотни тысяч человек каждый день могли наблюдать, как сине-белые дома сжимаются в выразительную зубчатую гряду.

В архитектурном путеводителе «Москва» Нагатинская набережная названа в числе двухсот наиболее интересных произведений московской архитектуры за 500 лет. (А.В. Анисимов. Изд-во «Красная гора» 1997 год).

Фото нашего первого, «угловатого» ступенчатого дома украшает заставку раздела «Московия» газеты «Аргументы и факты». Известный архитектор Михаил Белов написал, что он вообще считает «Алдонинский «Парус» шедевром Брежневской архитектуры!» Он даже лихо заявил, что я получила за него Ленинскую премию. Его бы устами да мед пить! Мы даже не подавали проект ни на какую премию, совесть не позволяла, так как не были построены ни детские сады, ни магазины.

Похоже, что безо всяких премий наш опыт стал завоевывать умы, и тут и там архитекторы начали делать попытки варьировать этажность. Сейчас это нетрудно сделать,

А тогда... Я помню, как на одной из конференций в СА я оказалась в президиуме рядом с Глебом Васильевичем Макаревичем, главным архитектором Москвы в это время. Он распекал архитекторов за серость и однообразие жилой застройки и вдруг заявил: «Вот почему Алдолина смогла сделать интересную застройку, а другие нет?!» Архитекторы молчали, а я тихо взмолилась: «Глеб Васильевич, если бы вы знали, чего это стоило! Да кто добровольно пойдет на такие муки? Да еще без надежды на успех».

Как хотелось бы закончить статью на радостной ноте: мы старались, смотрите, у нас получилось. Но, увы, смотреть-то и не получится. Силуэт ансамбля Нагатинской набережной со стороны проспекта им. Андропова и открытой линии метро безнадежно, варварски испорчен! Пару лет назад на набережной снова появились краны и между первым и вторым ступенчатым корпусом на месте, где по проекту застройки был детсад, поставили массивный, двухсекционный 22-этажный дом!

Он вылез на переднюю линию застройки и начисто загубил весь ступенчатый ритм при взгляде от моста. Потом вплотную, можно сказать впритык к фасаду первого дома, как вообще никто домов не ставит, выросла башня, напротив другая и весь рисунок набережной слился в малопонятную кашу!

Как только я увидела первый кран, я позвонила руководителю мастерской 10 000 Моспроекта Юлию Иссаковичу Филлеру с вопросом: «Что происходит на набережной?» Похоже, Филлер ждал моего звонка, смущенным тоном он рассказал про 2х-секционный дом. Я была в ужасе: «Как вы могли? Почему ничего не сказали авторам? Ведь мы живы! Можно было обдумать другие предложения!» Ушли из жизни Зиновьев и Бергельсон, уехал Запасов, но ведь живы Алдолина и Лютомская, обе, между прочим, Заслуженные архитекторы Российской Федерации!

Филлер что-то говорил, мол, надо было выполнять план по вводу жилья, и закончил пожеланием: «Боритесь!» Я к тому времени уже 14 лет была на пенсии, и это я, оказывается, должна бороться, потому что он не хочет ни бороться, ни уважать чужую работу!

Что я могла сделать? Я написала протестные письма и в Мэрию, и главному архитектору Москвы А.В.Кузьмину, и в Союз архитекторов Москвы, и в СА России. В конце концов, все они сошлись в Москомархитектуре, и я получила ответ, где на 15 строках перечислялись названия тех инстанций, с которыми новое строительство согласовано. Закачивалось письмо трогательным уверением, что все добавления не нарушают ансамбля.

Интересно, кто из согласовавших был на месте? Кто оценил основное направление восприятия ансамбля тысячами москвичей? Кто из них, вообще, задумался, стоит ли вмешиваться в эту единственную в Москве композицию? Где-то в Генплане поставили квадратик на месте не построенного детского сада, и этот квадратик покатился дальше, приобретая все более законную силу. И вот уже стоит дом, уместный, как чемодан на обеденном столе.

Те, кто раньше хвалил застройку, теперь обращаются ко мне с недоуменными вопросами: «Что вы там наделали?» Никому не приходит в голову, что можно было так проигнорировать авторов!

Можно понять алчность инвесторов, равнодушие строителей, но понять и главное принять неуважение коллег по цеху друг к другу невозможно! Кто будет уважать архитекторов, если они не будут уважать друг друга, уважать то, что сделали их соратники?

А что я могу теперь сделать? Кажется, я могу только не подавать руки Филлеру и кричать, как у Толстого кричала Катюша Маслова на суде: «Не виновата я! Не виновата я! Не виновата!!!»